

—

Как только маринованное мясо у Цзи Жунся было готово, он тут же наполнил миску Гэ фулану.

Заодно Цзи Жунся тщательно вымыл, нарезал на кусочки и замариновал в том же соусе свиную кожу, которая сегодня не пригодилась для шэнцзяней.

— Приготовил на скорую руку, тут только свинина да свиная кожа, даже не знаю, вкусно ли вышло, — смущенно проговорил Цзи Жунся.

— Пахнет просто невероятно, так что точно вкусно! Ох, пришел к вам в гости, а теперь ухожу с гостинцами, будто побираться явился, — Гэ фулан принял миску и неловко добавил: — Я эту миску попозже чисто вымою и сразу же вам верну.

Яо Тяньлань махнула рукой:

— Не к спеху. Мы ведь живем по соседству, тут всего два шага пройти. Вернешь, когда будет удобно.

— Ну, тогда не стану больше церемониться, — Гэ фулан заметил, как оба ребенка во все глаза смотрят на исходящее паром мясо в его руках, поэтому не стал задерживаться и поспешил увести внуков домой.

Цзи Жунся тут же окликнул мужа:

— Танцзинь, отнеси миску маринованного мяса и брату Гуаню с его домашними.

— Хорошо, я мигом, — Гу Танцзинь аккуратно сложил наколотые дрова, поднялся, вытер руки и, взяв наполненную Цзи Жунся миску, направился в соседнюю лапшичную.

Время завтрака уже прошло, и в лапшичной наступило затишье. Гуань Хунчи как раз помогал младшим брату и сестре мыть посуду.

Завидев входящего Гу Танцзиня, он поспешно вытер руки о фартук и вышел навстречу:

— Зачем же было самому идти, да еще и с гостинцами?

— Мне нестерпимо захотелось лужоу, вот Ся-гэр и приготовил немного. Мы пока не знаем, каково оно на вкус, так что снимите пробу. Если выйдет хорошо, в будущем станем продавать его в нашем ресторане, — с этими словами Гу Танцзинь передал ему миску. — Только посуду потом вернуть не забудь.

— Ишь ты! Думаешь, я позарюсь на твою миску? — шутливо сказал Гуань Хунчи.

Гу Танцзинь с улыбкой отозвался:

— Этого уж точно не случится.

Стоило Гу Танцзиню уйти, как к старшему брату тут же подскочили Гуань Сяомэй и Гуань Эрлан*.

— Брат, пахнет просто потрясающе, дай мне хоть кусочек попробовать! — Гуань Сяомэй

потянулась на цыпочках, заглядывая в миску в руках Гуань Хунчи.

Пряный, густой аромат маринованного мяса был настолько ярким и манящим, что девочка невольно сглотнула слюну.

— Да разве я вас обделю? — Гуань Хунчи отложил часть мяса в отдельную пиалу, чтобы оставить матери и ушедшему на занятия в частную школу Гуань Саньлану*.

[*Эрлан (二朗, èrláng), «Саньлан» (三郎, sānláng) — стандартные обращения ко второму и третьему по старшинству сыновьям в семье в старом Китае, буквально «второй сын» и «третий сын».]

Остальное же он отдал Гуань Сяомэй и Гуань Эрлану.

Протянув им миску, Гуань Хунчи ласково сказал:

— Держите, ешьте.

— Брат, ты сначала сам попробуй, — Гуань Сяомэй подцепила палочками самый сочный кусочек и поднесла к губам Гуань Хунчи.

Тот слегка наклонился и послушно съел мясо прямо с ее палочек.

Мясо было еще обжигаяще горячим. Насыщенный, глубокий вкус специй вперемишку с сочным мясным соком мгновенно заполнил рот. Гуань Хунчи сделал всего пару жевков и проглотил кусочек. Он с легкой завистью покосился на оставшееся в миске угощение, но тут же отвел взгляд.

— Вкус что надо. Давайте, ешьте сами, — Гуань Хунчи подхватил пиалу, отложенную для матери, и направился в ее комнату.

Гуань Эрлан к тому времени уже вовсю уплетал маринованную свиную кожу.

Приятная, упругая текстура, а также солоновато-пряный, едва заметный острый вкус заставили мальчика от удовольствия зажмурить глаза:

— До чего же вкусно!

— Угу, угу! — Гуань Сяомэй согласно закивала головой, словно курица, клюющая зерно.

Это мясо было невероятно ароматным, с глубоким вкусом и приятной остринкой. Оно казалось во много раз вкуснее любого мяса, что ей доводилось пробовать раньше.

В итоге двое детей, которые толком еще не обедали, в мгновение ока разделили между собой небольшую миску угощения.

В это время мать семейства, У Мэйхуа, полусидела на кровати и медленно пила жидкую рисовую кашу.

— Мама, сегодня на улице отличная погода. Чуть позже я вынесу тебя во двор, чтобы ты немного погрелась на солнышке, — ласково проговорил Гуань Хунчи. — А это вот Гу-сюцай прислал мясо, говорит, называется лужоу. Вкус отменный. Как раз подойдет к твоей каше.

— Гу-сюцай прислал? — на изможденном, желтоватом лице У Мэйхуа промелькнула слабая

улыбка, сменившаяся любопытством.

— Ну да, ему самому до смерти захотелось лужоу, вот Ся-гэр специально ради него и расстарался, — Гуань Хунчи с улыбкой покачал головой. — Мама, ты бы знала, как сильно изменился Гу-сюцай. Теперь он со мной даже шутить горазд.

— Вот что значит — взять в дом хорошего фулана, — У Мэйхуа не стала сразу тянуться к мясу, а вместо этого осторожно перевела тему: — Далан, сынок, может, и нам стоит подумать о...

— Мама, я решил, что сначала накоплю побольше серебра, а уж потом стану засылать свах. Подождем еще пару лет, а когда у меня на руках будет больше денег, мы в любом случае сможем подыскать достойную партию.

На самом деле Гуань Хунчи вовсе не стремился связывать себя узами брака. С его дурной славой человека, «губящего своих невест», ему попросту не хотелось лишний раз испытывать судьбу и навлекать на семью пересуды. Но признаться в этом матери он не смел, а потому лишь искал благовидные предлоги.

— Эх, ладно, пусть будет по-твоему, — тихо вздохнула У Мэйхуа. Ей тоже очень не хотелось беречь старые раны сына. Но ведь Гуань Эрлан тоже стремительно рос, и не за горами то время, когда и ему придет пора искать невесту. Если старший брат так и останется холостяком, то и младшему будет куда труднее найти хорошую партию. К тому же сейчас весь дом и лавка держались исключительно на плечах старшего сына, ему приходилось несладко, а будь в доме расторопный фулан или невестка, ему стало бы куда легче.

— Мама, ты давай скорее пробуй мясо, Гу-сюцай сам принёс, неужели даже кусочка не съешь?
— Гуань Хунчи поспешил перевести разговор на другую тему.

У Мэйхуа ничего не оставалось, кроме как взять палочки и отправить в рот кусочек маринованной свиной кожи.

Кожа оказалась на редкость упругой, солоноватой и очень ароматной. Старикам ведь часто тяжело жевать обычное мясо, да и волокна постоянно застревают в зубах. А эта маринованная кожа оказалась с ярким мясным вкусом, мягкой, податливой и совсем не застревала.

Всего одного кусочка хватило, чтобы У Мэйхуа искренне полюбила это блюдо. Но хоть угощение ей и безумно понравилось, вслух она ничего не сказала — побоялась, что Гуань Хунчи тут же бросится тратить на нее деньги.

Однако Гуань Хунчи все прекрасно заметил и твердо запечатлел в памяти, что матери пришлось по душе именно свиная кожа. Он подумал, что когда пойдет возвращать миску, обязательно разузнает у Ся-гэра цену и купит немного, чтобы в полдень заправить ее сочной соломкой из огурца и подать матери к обеду.

Тем временем в доме семьи Гу.

Раз уж соседей наделили гостинцами, то и своих обделять было никак нельзя. Цзи Жунся щедро наложил маринованного мяса для отца, матушки и Танцзиня.

— Мы ведь только-только позавтракали! С тех пор как Ся-гэр вошел в наш дом, у меня, кажется, лицо уже округлилось, — с улыбкой проговорила Яо Тяньлань, отправляя в рот кусочек мяса. — До чего же ароматно! Неудивительно, что Танцзиню так полюбился этот вкус, он совсем не похож на обычное тушеное мясо.

Гу Чуньчай после первого же кусочка тоже рассыпался в похвалах:

— Ся-гэр готовит это блюдо впервые, а вышло так невероятно вкусно! Я бы сам ни за что так не сумел, Ся-гэр в готовке определенно превзошел меня.

— Это мясо даже вкуснее того, что мне доводилось пробовать в самой префектуре, — добавил Гу Танцзинь. Всего одного кусочка ему хватило, чтобы понять: даже этот несовершенный вариант маринада оказался во много раз ароматнее всего, что он ел раньше.

Цзи Жунся от таких слов густо покраснел. На самом-то деле это был далеко не первый его опыт приготовления лужоу, так что он вовсе не был таким уж гением, каким егоставляли муж и родители. К тому же маринованному мясу нужно было еще хорошенько настояться в соусе, чтобы набрать полную силу вкуса, а сразу после варки оно получалось довольно посредственным.

— Отец, давай включим это мясо в меню нашего ресторана! С готовой основой-лутан готовить его будет проще простого, — предложил Цзи Жунся.

— Отличная мысль, — тут же согласился Гу Чуньчай. — Заниматься этим маринованным мясом будешь ты, Ся-гэр, так что и вся выручка с него пойдет целиком в ваш карман. Кстати, Танцзинь, принеси-ка мне наши счетные книги.

Гу Танцзинь поначалу решил, что отец хочет детально обсудить расходы и будущую цену на мясо, а потому без лишних вопросов принес приходно-расходные книги за текущий год.

При виде этого Яо Тяньлань обменялась с мужем понимающим взглядом. Она сначала подошла к задней двери и заперла ее на засов, а затем быстро поднялась на второй этаж.

Гу Чуньчай взял книги, подошел к окну, где было светлее, и, неторопливо листая страницы, заговорил:

— Наш ресторан, если вычесть все расходы на овощи, мясо, масло, соль, вино и воду, приносит в месяц чистыми около восьми гуаней*. Это тяжелый труд. Нашей семье нужно во что-то одеваться и что-то есть, к тому же в прежние годы Танцзиню требовались немалые деньги на учебу в префектуре, так что в лучшем случае нам удавалось откладывать по три-четыре ляна в месяц. Родственников, с которыми мы поддерживаем связь, у нас немного, на праздники мы в основном обмениваемся подарками с моими старыми товарищами, так что траты там небольшие. Больше всего уходило на праздничные подношения наставнику Танцзиня. Семь лет назад мы затеяли ремонт в ресторане, что обошлось нам в двадцать три ляна, да еще покупка трех новых железных котлов встала в пятнадцать лянов...

[*Гуань (兩, guàn) – связка медных монет, которая использовалась в качестве стандартной денежной единицы, номиналом 1000 вэней (медных монет), что эквивалентно 1 ляну серебра.]

Гу Чуньчай перевернул страницу и продолжил:

— Документы на наш ресторан оформлены на имя вашей матери. По законам нашей династии, если лавка приносит в год меньше четырехсот лянов, то владельцам не нужно регистрироваться в налоговом ведомстве в качестве купцов. А если заведение и вовсе оформлено как приданое женщины или гэра, то к нему применяются совсем другие, куда более мягкие правила. И пусть доходы нашего ресторана всегда были скромными и нам не о чем беспокоиться, в юности я все же размышлял: а что, если дела однажды пойдут в гору и

выручка резко возрастет? Именно поэтому я сразу записал лавку на имя твоей матери. Кто же знал, что пройдут годы, а мы так и будем топтаться на месте, зарабатывая жалкие восемь гуаней в месяц. Никакого продвижения вперед, — при этих словах Гу Чуньцай не удержался от горькой, самокритичной усмешки.

— В будущем, когда нас с матерью не станет, ресторан полностью перейдет к Ся-гэру. Мы с твоей матушкой уже составили и подписали официальную расписку на этот счет, так что тебе, Ся-гэр, не нужно переживать, что мы на старости лет передумаем или заберем свои слова назад. Так что, даже если ваши доходы пойдут в гору, вам не придется ничего бояться.

Гу Чуньцай говорил предельно серьезно.

Услышав, что родители уже успели составить какую-то официальную расписку, Цзи Жунся нешуточно заволновался и поспешил заверить, что в подобных мерах нет никакой необходимости.

Но Гу Чуньцай решительным жестом прервал его:

— Ся-гэр, сначала выслушай меня до конца.

— За все эти годы, если посчитать каждую мелочь, нам удалось скопить двести пятьдесят восемь лянов серебра. Нам с матерью нужно оставить немного денег на черный день и достойные похороны, так что пятьдесят восемь лянов мы припрячем для себя. А оставшиеся две сотни лянов полностью отдаем вам. Отныне всеми делами в ресторане вы будете заправлять вдвоем. Будь то введение новых блюд в меню или смена обстановки в обеденном зале — решайте все между собой, нас с матерью спрашивать больше не нужно. С этого дня мы с матерью просто нанимаемся к вам в помощники. Вся выручка от ресторана будет оставаться у вас, да и управление домашним хозяйством тоже полностью переходит в ваши руки.

В этот момент Яо Тяньлань спустилась со второго этажа и поставила на стол старую деревянную шкатулку. Открыв крышку, она явила свету груды мелкого колотого серебра и бесчисленное множество медных монет — там были ровно две сотни лянов. Поверх денег лежал чистый лист бумаги — та самая расписка, которую Яо Тяньлань составила вчерашней ночью.

— Отец... неужели мое маринованное мясо вышло настолько вкусным, что вы вот так сразу решили передать мне весь ресторан? — в полном недоумении захлопал глазами Цзи Жунся.

Гу Чуньцай не выдержал и громко рассмеялся. Этот ребёнок в обычные дни отличался поразительной рассудительностью и надежностью, но порой, как сейчас, мог сморозить такую несусветную глупость! Да разве мог он передать бразды правления семейным делом только потому, что ему понравился вкус нового мяса?

— Отец, это ведь как-то связано со вчерашней выходкой семьи Лян, верно? — подняв глаза, спросил Гу Танцзинь.

— Именно так, — кивнула Яо Тяньлань. — Мы с твоим отцом вчера все хорошенько обдумали. Вы двое уже вполне способны самостоятельно держать удар и вести дела, так почему бы не передать вам все прямо сейчас? Заодно и нам с отцом на старости лет станет полегче.

Если говорить начистоту, у пожилых супругов, конечно же, были свои скрытые мотивы.

Они искренне считали, что Ся-гэр — прекрасный и чуткий юноша. Однако Танцзинь был их

единственным родным сыном, и родительское сердце невольно грызла тревога: а что, если в будущем Ся-гэр отдалится от мужа? Танцзинь ведь совершенно не умел готовить, и случись что, он сразу же оказался бы в невыгодном положении. Не стоило винить стариков за то, что они думали о людях плохо — на своем веку они повидали слишком много предательства и корысти, чтобы оставаться слепо доверчивыми.

И пусть вчерашней стычки у лотка они не видели собственными глазами, зато успели во всех деталях расспросить о ней Гэ фулана и остальных соседей. Ся-гэр тогда не шутку разъярился из-за нападок на мужа. Как рассказал им Лю Далан, Ся-гэр от злости буквально рассудок потерял, и если бы Танцзинь вовремя не удержал его, он бы самолично пошел и поколотил тех детей.

Этот случай окончательно доказал им, что Ся-гэр всем сердцем предан Гу Танцзиню. И тогда у отца с матерью окончательно отлегло от сердца. Раз уж молодые доказали свою верность друг другу и способность справляться с трудностями, пришла пора передавать дела.

Гу Чуньцай и Яо Тяньлань решили, что отныне они просто будут помогать молодой паре по хозяйству и потихоньку откладывать себе на мелкие расходы.

— Ся-гэр, Танцзинь, отныне этот дом и ресторан переходят под ваше крыло. А мы с отцом со спокойной душой отправляемся на заслуженный отдых, — с этими словами Яо Тяньлань пододвинула тяжелую шкатулку ближе к Цзи Жунся.

Цзи Жунся почувствовал, как серебро и медные монеты в этой шкатулке словно налились свинцовой тяжестью. Он машинально перевел взгляд на Гу Танцзиня, и обнаружил, что муж тоже внимательно смотрит на него.

Цзи Жунся решительно поджал губы, повернулся к родителям и твердо произнес:

— В таком случае я принимаю ваш дар. Мы с Танцзином обещаем, что приложим все силы и сделаем наш ресторан процветающим.

— Вот и славно, — с облегчением улыбнулась Яо Тяньлань.

И стоило последнему слову сорваться с ее губ, как в голове у Цзи Жунся раздался до боли знакомый, механический сигнал:

[Динь! Обнаружен ресторан обычного уровня. Доступно для привязки.]

[Желаете выполнить привязку?]

Цзи Жунся:

— ???

—